

З а 38 л ѣ т ъ .

Отрывки изъ неизданныхъ воспоминаній посвящаются памяти

Милія Алексѣевича Балакирева ¹⁾.

Послѣ смерти Надежды Дмитриевны и я, и моя мать, мы сразу почувствовали, что не въ силахъ оставаться за границей и вернулись въ Петербургъ.

Тутъ мы узнали, что насъ не извѣщали во-время о ходѣ болѣзни Надежды Дмитриевны по ея желанію и приказанію, что она послѣдніе дни не разставалась съ платкомъ—шалью, подареннымъ ей передъ нашимъ отъѣздомъ за границу, моею матерью; что, глядя на этотъ платокъ, она говорила: „я чувствую ее (мою мать) и дѣтей возлѣ себя“, и прибавляла: „пусть набираются силъ. У Елизаветы Николаевны (такъ звали мою мать) и такъ было много горя... Она схоронила четырехъ дѣтей. Къ чему ей ѣхать еще на мои похороны!... А „бѣленькой дѣвочкѣ“ (такъ называла она меня) и безъ меня много горькаго придется испытать въ жизни“.

Узнали мы и то, что всѣмъ простивъ передъ смертью, даже ужаснѣйшему и развратнѣйшему священнику Демидовскаго дома о. Борисоглѣбскому, ея личному врагу, клеветавшему на нее, она сказала, что не можетъ простить только двумъ людямъ: Биконсфильду—(за его слова о „полезномъ кровопусканіи“, когда началось Герцеговинское возстаніе и Сербская война) и г.***, служащему въ Демидовскомъ домѣ, обкрадывавшему на ѣдѣ дѣтей сиротъ...

¹⁾ См. „Русск. Старину“, мартъ 1913 г.

... А волны океана все плыли и плыли, все дальше обрушивались на тотъ берегъ, на которомъ мы стояли и сѣдали разстояніе между мною и океаномъ жизни.

...— Въ декабрѣ того же 1879 года я разъ утромъ (18-го декабря) получила отъ Балакирева слѣдующее письмо:

„Вы вѣрно брадите меня за то, что я не зашелъ къ Вамъ до среды, какъ обѣщаль, но все это время я сильно разстроены неожиданнымъ ужаснымъ горемъ, и никуда не могу пойти.

Сестра моя 7-го декабря уѣхала не надолго въ Москву, оттуда проѣхала въ Нижній и тамъ скончалась. Вчера происходило ея погребеніе. Вся семья *наша* ошеломлена этимъ событіемъ, которое для меня такъ безотрадно, что избѣгаю даже и разговаривать объ немъ съ кѣмъ-нибудь.—Завтра не ждите на урокъ. Приду въ будущую среду и займемся пѣсами, для одного фортепiano, а трио, которое принесло Вамъ пользу,—размявъ пальцы, послѣ долгаго отдыха отъ фортепiанной игры,—покуда оставимъ.

Преданный Вамъ М. Балакиревъ“.

Казалось бы, послѣ его писемъ ко мнѣ о Надеждѣ Дмитриевнѣ и этого письма, мнѣ слѣдовало разспросить его, выказать ему мое сочувствіе, какъ онъ высказалъ мнѣ свое, но я этого не сдѣлала, не смогла сдѣлать. Онъ писалъ: избѣгаю даже и разговаривать объ немъ (т. е. горѣ) съ кѣмъ-нибудь...

Это „кѣмъ-нибудь“ я тогда поняла, какъ съ кѣмъ бы то ни было, какъ намекъ и сочла его ненарушимымъ, священнымъ для себя приказаніемъ!

Онъ пришелъ на слѣдующій урокъ съ лицомъ, на которомъ ничего нельзя было прочесть, и мы просто стали играть.

Изъ газетъ же мы узнали, что сестра его, Марья Алексѣевна Балакирева, покончила самоубійствомъ на романической подкладкѣ.

Боже мой, какъ не гармонировало тогда это газетное сообщеніе съ тѣмъ, съ тою жизненной духовно-свѣтлой атмосферой, которая, по моему предположенію, окружала, должна была окружать дома Милія Алексѣевича!

... Въ 1880 г. мы особенно часто видались съ нимъ. Кромѣ двухъ разъ, которые онъ приходилъ для уроковъ, онъ приходилъ еще каждый четвергъ вечеромъ для бесѣды.

Эти бесѣды были моей радостью и гордостью, во-первыхъ, потому, что всякій разъ я узнавала изъ нихъ что-нибудь новое изъ политики или просто исторіи или исторіи богословія, литературы, изъ біографій особенно музыкальныхъ дѣятелей, а во-вторыхъ, еще потому, что теперь Балакиревъ позволялъ мнѣ говорить, рассказы-

вать ему прочитанное, терпѣливо, не спуская съ меня глазъ, выслушивалъ мои мысли, передачу какихъ-нибудь католическихъ или протестантскихъ книгъ, брошюръ.

Особенно почему-то помню, какъ слушалъ онъ мой подробный пересказъ католической легенды о св. Христофорѣ, какъ потомъ сказалъ: вамъ, должно быть, особенно трудно найти подругу?.. Знаете, хорошо было бы вамъ познакомиться съ Марьей Павловной Мордвиновой (онъ произносилъ Марья, а не Марія). Она прекраасная дѣвушка!.. — добавилъ онъ, дѣлая удареніе на слогъ „краас“.—Прекрасная-съ!.. Вы подошли бы другъ къ другу.

И тутъ же онъ указалъ мнѣ, что въ католическихъ житіяхъ, въ легендахъ о святыхъ есть часто примѣсь развѣдающей вообще католическую церковь лжи.

(Я знала тогда уже давно о базисѣ католичества Лже-Исидоровыхъ Декреталіяхъ и о *Monita Segreta* иезуитовъ).

— Посмотрите,—говорилъ онъ;—у нихъ самъ Богъ лжетъ, прикрываетъ ложь...

(Онъ не задумался, не остановился это сказать).

— Такъ, напримѣръ, въ поэтичнѣйшей легендѣ о Елизаветѣ Венгерской, хлѣбъ, который она несетъ бѣднымъ, превращается въ цвѣты, потому-что она, боясь мужа, солгала,—онъ громко произнесъ это слово,—а Богъ прикрылъ ея ложь чудомъ, принялъ участіе въ ея лжи... Въ православіи вы этого не найдете... Въ православіи она за свой хлѣбъ претерпѣла бы гнѣвъ мужа, мученія, словомъ, то, что было въ дѣйствительности, потому что ложь и православіе несовмѣстимы...

А я слушала его и все больше начинала любить и понимать нашу Церковь, хотя духовенство наше, современное уже той эпохѣ, онъ не любилъ, и часто прохаживался на его счетъ, указывая, какъ еще и раньше оно было плохо, не желая, напримѣръ, хоронить А. С. Хомякова.

А волны океана жизни, между тѣмъ, незримо небольшими струйками все подтачивали и подтачивали тотъ берегъ, на которомъ я стояла.

Какъ-то разъ, придя къ намъ, онъ засталъ у насъ группу молодежи, ярыхъ противниковъ, подъ вліяніемъ своихъ профессоровъ, славянофильства: они вздумали противорѣчить ему. Нѣкоторое время онъ отвѣчалъ имъ, несмотря на ихъ юный, не всегда корректный задоръ. Потомъ, пристально поглядѣвъ на нихъ, умолъ. А на слѣдующей недѣлѣ, я получила отъ него письмо съ припиской, гласившей:

„Не лучше ли мнѣ придти къ Вамъ вмѣсто сегодня — въ

понедѣльникъ? а то по субботамъ и воскресеньямъ у Васъ товарищи Сережи“.

Съ тѣхъ поръ онъ не иначе называлъ собирающуюся у насъ молодежь, какъ этимъ коллективнымъ наименованіемъ: „Сереженкины товарищи“, и надо было слышать его мягкія интонаціи, чтобы понять, сколько сарказма вкладывалъ онъ въ эти два безобидныхъ слова!

Кстати сказать, нѣкоторые изъ этихъ Сереженкиныхъ товарищей теперь „видные политическіе дѣятели“...

1881 годъ принесъ новый девятый валъ, захлестнувшій, потопившій многихъ, заледенѣвшій особенно въ первую минуту всѣхъ и вмѣстѣ со всѣми и мою семью...

.

Но здѣсь мнѣ снова хочется сдѣлать маленькое отступленіе и рассказать то, что я передумала, пережила за это ужасное время до 1-го марта и сейчасъ послѣ него.

Обыкновенно теперь принято говорить и писать о страшной неожиданности удара и о чувствѣ возмущенія, что *это*, этотъ ужасъ могъ случиться именно съ Царемъ Освободителемъ, съ тѣмъ, кто вернулъ декабристовъ изъ ссылки, кто даровалъ свободу милліонамъ крѣпостныхъ... Новые суды и пр.

Я, поистинѣ, должна засвидѣтельствовать, что это не совсѣмъ такъ, что великіе акты, ознаменовавшіе собою начало царствованія Государя Александра II, отошли тогда уже въ область исторіи, для молодежи въ область преданія.

Мы, тогда, до событія 1-го марта (мы, т. е. молодежь извѣстнаго круга, не распропагандированная, вѣрноподданчески настроенная), слышали отъ нашихъ отцовъ и родственниковъ, возвращавшихся со службы домой, и отъ ихъ знакомыхъ, друзей, сослуживцевъ—совсѣмъ не диэриамбы послѣднимъ годамъ.

Фразы: Куда мы идемъ?!.. Живемъ всѣ, какъ на вулканѣ! Чѣмъ все это кончится!.. Крадутъ, какъ передъ концомъ!...—Пожиманье плечъ. Разказы о непорядкахъ въ разныхъ министерствахъ, о постоянной смѣнѣ негодныхъ министровъ, разказы о расхищеніи Бурятскихъ земель, о расхищеніяхъ въ министерствѣ финансовъ, о покровительствѣ своевольнымъ чиновникамъ высшихъ чиновъ, разказы, переданные шепотомъ, о „подвигахъ“ нашей дипломатіи: о причинахъ, почему мы остановились въ Галиполи и не вошли въ Константинополь... Страшное паденіе курса послѣ побѣдоносной войны... Наконецъ, разказы изъ свѣтской, такъ сказать, брачной жизни и изъ исторіи разводовъ, когда вся неправда пряталась, какъ за неприступную стѣну за три слова... Постоянныя покушенія

на жизнь Государя и его вѣрныхъ слугъ (покушеніе на Трепова, убійство Мезенцева, Субботкина и др.), студенческіе безпорядки, правленіе „калифа на часъ“, какъ онъ самъ себя называлъ, графа Лорисъ-Меликова, возвращеніе всѣхъ сосланныхъ студентовъ, осужденіе его политики, защита, больше восхваленіе этой же политики, предсказанія: вы увидите...

Все это, какъ ни страшенъ былъ ударъ, дѣлало его не такимъ неожиданнымъ (для молодежи), какъ это теперь принято писать.

(Невольно припоминается мнѣ, сейчасъ, какъ я пишу эти строки, исторія дочерей короля Лира, и причины, почему король-отецъ разгнѣвался на свою Корделію. Причина эта, какъ извѣстно, была правда, высказанная Корделіей, правда, недостаточно глубоко, поэтично и красиво, по мнѣнію старика Лира, выражавшая ея, дочернюю, любовь.

Такъ вѣрно будетъ и со мной за этотъ отрывокъ отъ восхвалителей и „посмертныхъ“ (posthumes) почитателей Государя Освободителя...

„А все-таки вертится!“ Все-таки это истина, скажу я нынѣшнимъ историкамъ и панегиристамъ Государя Александра II, т. е. истина, что до 1-го марта молодежь восьмидесятихъ годовъ слышала царствованію Александра II не похвалу, а... сильную критику. Похвала раздалась лишь послѣ мученической кончины).

... Я была одна дома, когда раздалась два памятныхъ петербуржцамъ того времени глухихъ удара: разъ, и черезъ нѣкоторое время опять: разъ. Точно кто началъ выбивать гдѣ-то ковры, началъ, почему-то бросилъ, опять началъ и опять бросилъ.

Я не обратила на нихъ особеннаго вниманія, хотя ухо какъ-то невольно ждало дальнѣйшихъ дробныхъ ударовъ цалокъ.—Но я читала и мнѣ было интересно мое чтеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ меня мучилъ страхъ, не случилось ли что съ моей матерью, которая выѣхала кататься въ парныхъ саняхъ вмѣстѣ съ моимъ братомъ и долго не возвращалась. Лошади у насъ были молодыя, новыя, и одна изъ нихъ часто пугалась, такъ-что онѣ нерѣдко носили.

Не знаю, сколько времени прошло послѣ ударовъ, но мать моя все еще не возвращалась, когда въ личную мою гостиную вошелъ товарищъ моего брата и страшно напугалъ меня сначала своими осторожными вопросами: вы не знаете, что случилось? (Я похолодѣла отъ мысли: вѣрно что-нибудь съ мамой...) А затѣмъ и разсказалъ о происшедшемъ злодѣяннн.

Потомъ блѣдная вернулась моя мать, узнавшая только отъ нашего швейцара о происшедшемъ, такъ какъ катались они, чтобы лошади не могли испугаться, не на людныхъ улицахъ, а у лавры, Калашниковской пристани и пр.

Мой братъ съ товарищемъ тотчасъ отправились на Дворцовую площадь. Тогда Государь, говорили, былъ еще живъ.

Потомъ, т. е. гораздо позднѣе, вернулся отецъ и разсказалъ, какъ вышелъ изъ Дворца Рылѣевъ и сказалъ народу, переполнившему площадь, что все кончено... Разсказалъ, какъ платкомъ Рылѣевъ вытиралъ кровь, залившую лѣстницу, по которой несли Царя Освободителя...

Помню, какъ отецъ былъ страшно взволнованъ, какъ пересохла и почернѣли его губы, какъ дрожали его руки.

... Помню, какъ стала зловѣще пустѣть наша Владимірская площадь, какъ къ вечеру на ней нельзя было увидѣть ни извозчика, ни пѣшехода.

... Помню, какъ вечеромъ же ворвался въ нашу квартиру и спрятался въ кабинетъ отца какой-то бритый, развинченный незнакомый господинъ; какъ моя мать приняла его за кого-нибудь изъ имѣвшихъ что-нибудь общее съ цареубійцами. Какъ на ея разспросы перепуганный лакей отвѣчалъ, что не знаетъ, кто бы это могъ быть, что никогда не видалъ его...

Помню, какъ моя мать, про которую Надежда Дмитриевна всегда говорила: великій духъ въ маленькомъ тѣлѣ, — спасая, какъ она думала, отца, одна вошла въ кабинетъ и спросила страшно нервничавшаго господина: кто онъ? и зачѣмъ онъ пришелъ?

Какъ онъ извинился, назвалъ себя К. А. О—хо, и объяснилъ, что семьи его нѣтъ въ Петербургѣ, что клубы закрыты, а сидѣть дома онъ положительно не въ силахъ въ данныхъ обстоятельствахъ, почему онъ и пришелъ къ моему отцу, ближайшему его сосѣду по улицѣ и постоянному партнеру въ карты въ какомъ-то клубѣ.

... Помню, какъ я сама, — спасаясь отъ того страшнаго гнета, который охватывалъ меня съ каждой минутой все сильнѣе, вышла въ коридоръ, ведущей въ комнаты прислугъ, и, встрѣтивъ тамъ много лѣтъ жившую у насъ старуху прачку, ожидая отъ нея утѣшенія, обратилась къ ней со словами:

— Андревна, ужасъ-то какой!

На что она, понизивъ голосъ до шепота, отвѣтила:

— За жену это, матушка, за жену, Богъ отступился отъ него...

Помню, какъ морозъ пробѣжалъ у меня по спинѣ отъ этихъ ея словъ...

... Потомъ незабываемое впечатлѣніе оставилъ во мнѣ день перенесенія тѣла Царя изъ Зимняго дворца въ Петропавловскую крѣпость.

Мы смотрѣли на процессію изъ оконъ Академіи Художествъ.

Ѣхать туда пришлось раннимъ-рано, какъ говорила моя горничная, что-то около 7 ч. или 8 ч. утра, такъ какъ позднѣе по городу не пропускали экипажей, даже съ билетами. Отецъ, какъ человѣкъ въ извѣстныхъ чинахъ, долженъ былъ участвовать въ процессіи, нести подушку съ какимъ-то орденомъ.

Погода была отвратительная. Дулъ порывистый вѣтеръ. Временами лилъ дождь, временами мелькали въ воздухѣ бѣлыя мухи, временами падалъ хлопьями, тотчасъ таявшій снѣгъ.

У Академіи Художествъ начало процессіи появилось въ исходѣ двѣнадцатаго. Всѣ бывшіе тамъ изныли отъ голода, усталости вслѣдствіе ранняго непривычнаго вставанья, холода въ залахъ и того особеннаго, щемящаго чувства тоски, которое не покидало въ эти дни петербуржцевъ.

Когда появилась голова кортежа, всѣ бросились къ окнамъ, и тотчасъ раздались восклицанія.

Кортежа, процессіи, т. е. какого-нибудь порядка въ похоронномъ шествіи не было. Всѣ и чины, и духовенство шли вразбродъ, въ одиночку или группами, кое-какъ, еле двигая ноги, продрогшіе, промокшіе, кто съ опущенной подушкой, кто съ подушкой подъ мышкой... Кто тутъ же передавалъ подушку, а самъ торопливо удиралъ, какъ школьникъ... Духовенство съ развѣвающимися по вѣтру волосами, особенно не красивы были тѣ, у кого волоса были густы, нѣкоторые съ повязанными по ушамъ (т. е. сложенными въ полоску) цвѣтными узорчатыми платками. Многіе, почти всѣ, поднимая ризы, такъ какъ грязь и мокротѣ были страшныя...

Прекрасное исключеніе составили пажі. Въ высокихъ сапогахъ, или ботфортахъ, въ бѣлыхъ лосинахъ, они прошли мимо Академіи и дальше, дальше, какъ будто шутя, по залѣ; не дрогнувъ, точно не замѣчая усталости, будто только-что началось шествіе, не чувствуя ни вѣтра, ни дождя, ни холода.

За ними что-то снова потянулось...

Отца моего я, какъ ни глядѣла, не могла узнать. Потомъ появилась колесница, а за ней Государь Александръ III.

Онъ шелъ, если смѣю сравнить, вродѣ пажей. Какъ богатырь, какъ изваянный изъ бронзы, съ той мощной и великой простотой, точно онъ шелъ въ особой атмосферѣ, гдѣ не было ни холода, ни вѣтра, ни дождя, и гдѣ никого не было кромѣ Бога на многолюдныхъ улицахъ, чтобы видѣть его, съ такимъ выраженіемъ ясности, покорности и высоты помысловъ въ свѣтлыхъ голубыхъ глазахъ, что я никогда ужь не могла забыть этотъ взглядъ: онъ слился у меня съ именемъ Александра III, и Александръ III слился у меня съ этимъ взглядомъ. А впослѣдствіи, когда мнѣ бывало больно отъ

происходившаго во время царствованія Государя Александра Александровича (закрытіе высшихъ курсовъ для женщинъ и пр.), я вспоминала этотъ взглядъ и имъ утѣшалась: принимаемыя мѣры были временныя. Когда вскрываютъ гнойникъ, не даютъ сразу затянуться ранѣ, а выпускаютъ гной, что бы тамъ кто ни говорилъ.

VI.

.... Совершенно не могу припомнить, когда, т. е. на какой день послѣ событія 1-го марта, я увидѣла Милія Алексѣевича, когда начала и начала ли съ нимъ до лѣта уроки. Или мы отложили ихъ до осени.

Помню одно: мы стоимъ съ нимъ въ залѣ, вскорѣ послѣ царевубійства, и дѣлимся впечатлѣніями о 1-мъ марта. Онъ также взволнованъ, какъ и всѣ.

И вдругъ онъ, откашливаясь, говоритъ мнѣ:

— Да-съ, а знаете, что говорить про это народъ?... Нѣтъ? Онъ говоритъ, что Богъ отступился отъ него за грѣхъ, за жену.... Богъ сколько разъ спасалъ его, спасъ бы и тутъ, но....

Выслушавъ его, я дѣлаю ему тѣ возраженія, которыя сдѣлали мнѣ мои родители, когда я рассказала имъ о нашей прачкѣ,—про храбрость Государя, про организованный революціонерами планъ, но онъ перебываетъ меня:

— Это неизвѣстно-съ! Это ничего не извѣстно. Мы видимъ только факты, а за Бога рѣшать мы не можемъ.

Я смотрю на него, слушаю его, вспоминаю первую статью Хомякова (письмо къ Тертію Ивановичу Филиппову), которую онъ далъ мнѣ, вспоминаю великія слова и разъясненія, чѣмъ святъ бракъ, и чувствую его, Балакирева, внутреннюю, сердечную, органическую связь съ простымъ не „наученымъ“ народомъ и.... благословляю его и преклоняюсь передъ народомъ.

Кстати, здѣсь, думается мнѣ, будетъ передать и другой разговоръ Милія Алексѣевича.

Онъ вообще никогда не осуждалъ Царскую власть. Славянофилъ чистѣйшей формаціи, онъ страстно, зло и остроумно нападалъ на бюрократію, администрацію, на совѣтниковъ и приближенныхъ Царя, но личность Царя, какъ Царя, была для него не на словахъ, а, поистинѣ, священна. Страстно желая Земскаго Собора, онъ говорилъ только иногда, что Государя Александра II обманываютъ.

что ему внушаютъ иллюзію, будто править онъ. На самомъ дѣлѣ править бюрократія и т. д.

И вотъ какой разговоръ произошелъ у него разъ, при мнѣ, съ моими родителями.

Утреннія газеты принесли извѣстіе о покушеніи на жизнь Трепова. Въ то же утро пришелъ Балакиревъ ко мнѣ на урокъ и до него, по приглашенію моего отца, зашелъ въ столовую выпить стаканчикъ чая, собственно, конечно, поговорить о покушеніи.

Мои родители были страшно возмущены Засуличъ.

Балакиревъ всегда былъ противъ насилія, съ какой бы стороны оно ни исходило, и никогда не одобрялъ дѣйствій революціонеровъ, но тутъ, найдя, должно быть, что моими близкими недостаточно принимаются во вниманіе причины, вызвавшія покушеніе, вдругъ громко, отчеканивая слова и жестко, выговорилъ:

— Да, но какъ можно было сѣчь! (Боголюбова). Нѣтъ-съ, вы отвѣтите мнѣ только: какъ онъ (Треповъ) смѣлъ приказать сѣчь?!..

Секунду, двѣ длилось молчаніе, потомъ заговорила моя мать, и на какія-то слова ея: что-то, что сѣчь одно, а выстрѣлить, убить, искалѣчить другое,—Милій Алексѣевичъ вскипѣлъ, вскочилъ со стула и гнѣвно выкрикнулъ:

— А что сказали бы вы, если бы вмѣсто Боголюбова высѣкли вашего Сереженьку?.. Вашего сына?

Моя мать страшно покраснѣла, потомъ тотчасъ поблѣднѣла до синевы губъ.

Ей, дворянкѣ и вѣрнопожданной до мозга костей, ей, широкой и умной, въ голову все же не могло придти, чтобы кто-нибудь могъ сравнить ея сына съ какимъ-нибудь Боголюбовымъ.

Я была тутъ же, въ столовой, и видѣла, какъ боролись въ душѣ ея разнородныя чувства: уваженія къ Милію Алексѣвичу и негодованія на него за его сравненіе.

Я видѣла и его лицо въ профиль, знала, что глаза его устремлены на мою мать, и чувствовала, что цѣлью его было не оскорбить, а только, такъ сказать, иллюстрировать для рельефности свою мысль этимъ примѣромъ.

Видѣла и нахмуренное лицо отца, молчавшаго, но переводившаго взглядъ съ матери на Балакирева.

— Ну, вотъ, видите-съ,—заговорилъ снова Милій Алексѣевичъ, уже примирительнымъ тономъ,—видите, какое впечатлѣніе произвело на васъ одно предположеніе,—протянулъ онъ,—о наказаніи.

Моя мать вспыхнула.

-- Вѣдь, есть разница между моимъ сыномъ и какимъ-нибудь Боголюбовымъ,—волнуясь, заговорила она.

— Никакой разницы,—рѣзко перебилъ Балакиревъ.—Онъ тоже чей-нибудь сынъ, и кому-нибудь дорогъ, какъ вамъ Сережа.

— Разница и въ происхожденіи, и въ воспитаніи,—продолжала моя мать.

Ее сталъ поддерживать мой отецъ и тоже что-то говорить.

— А если мой сынъ попался бы въ томъ или подобномъ,—снова взволнованно сказала моя мать,—въ чемъ Боголюбовъ, посаженъ былъ бы въ тюрьму и все же дерзилъ бы, какъ Боголюбовъ, то... конечно.... его надо было бы и съчть... Да этого не можетъ быть,—закончила она, почти успокоившись и поборовъ волненіе.

— Ну, это вамъ теперь такъ кажется,—не захотѣвъ уняться, уступить, выговорилъ Балакиревъ.—А если бы онъ поддался революціонной пропагандѣ... и кто-нибудь задумалъ бы его...

Снова разгорѣлся споръ. Я знала, слышала уже много разъ о рѣзкости Милія Алексѣевича, объ его языкѣ, доставившемъ ему безчисленное количество враговъ, и съ отчаяніемъ думала:

— Ну, вотъ, сейчасъ и у насъ онъ скажетъ что-нибудь непоправимое!

Но онъ вдругъ остановился и совершенно инымъ тономъ произнесъ:

— То, что вы говорите, Елизавета Николаевна, о разницѣ въ происхожденіи и воспитаніи—это не по-христіански. Для Бога этой разницы нѣтъ. Самъ Сынъ Божій на землѣ былъ пріемнымъ сыномъ плотника...

Я взглянула на мою мать и.... увидѣла такое выраженіе ея милого лица, что тотчасъ тихо вышла изъ столовой въ гостиную и, постоявъ тамъ, не слыша больше рѣзкихъ голосовъ, въ залу.

Черезъ нѣсколько минутъ въ залу стремительно пришелъ и Милій Алексѣевичъ. Онъ былъ красенъ и казался чѣмъ-то очень довольнымъ.

Я посмотрѣла на него,—поняла, что у него съ моею матерью произошло примиреніе, и мы начали урокъ. Послѣ него я побѣжала къ матери.

Она сидѣла въ большомъ креслѣ, въ спальнѣ у окна за своимъ рабочимъ деревяннымъ мозаичнымъ столикомъ, и, увидя меня, мой вопрошающій и все еще встревоженный взглядъ, улыбнулась.

— Онъ правъ, конечно,—сказала она.—Только ужасно у него рѣзкій языкъ.

Слава Богу, это была первая и послѣдняя стычка Балакирева у насъ въ семьѣ. И до и послѣ нея, кромѣ „мира“ и глубокаго уваженія у насъ, у моихъ родителей съ нимъ, не было другихъ отношеній.

Въ 1881 году Милій Алексѣевичъ снова сталъ заниматься Безплатной Музыкальной Школой, вмѣсто Ник. Андр. Римскаго-Корсакова. Помню его первый концертъ 3-го февраля 1881 г. и второй 15-го февраля 1882 г., когда ему поднесли и адресъ, и разныя вышитыя ленты, и полотенца, и множество серебряныхъ вѣнковъ, и, если не ошибаюсь, выигрышные билеты внутреннихъ займовъ. (По крайней мѣрѣ таково было намѣреніе нѣкоторыхъ его почитателей и почитательницъ).

Сильно взволнованный, мелкими шагами, совсѣмъ не похожими на его обыкновенную походку, онъ вошелъ на эстраду въ залъ Дворянскаго Собранія, и чествованіе началось....

Залъ на этотъ разъ былъ почти полонъ, и я съ гордостью думала, что пустынные вечера для Безплатной Школы миновали, но... „то былъ лишь сонъ“.

Послѣ юбилейнаго концерта (82 года), снова залъ во время концертовъ Безплатной Музыкальной Школы сталъ представлять изъ себя безлюдье Гоби или Сахары....

Зато самъ по себѣ 81 годъ (конецъ его или начало 1882 г.), столькихъ потопившій, столькихъ надломившій, къ Балакиреву былъ милостивъ и своимъ девятымъ валомъ, заледенивъ и окунувъ его на время въ ужасъ революціоннаго времени, вынесъ его на сухой, твердый берегъ.

Государь Александръ III, искавшій русскихъ людей, вспомнилъ и о Балакиревѣ и назначилъ его директоромъ Пѣвческой Капеллы.

Съ этой минуты матеріальное положеніе Милія Алексѣевича измѣнилось въ корень. Онъ пересталъ нуждаться... и, какъ послѣдствіе этого, весь отдался своей дѣятельности директора капеллы, многое преобразовалъ и расширилъ въ ней, учредилъ инструментальные классы и пр. Частные же уроки мало-по-малу окончательно оставилъ.

Но, странно, какъ-то именно въ этомъ году онъ съ непонятной горечью сказалъ:

— Миѣ, какъ бѣлкѣ, привезли возъ орѣховъ, когда зубовъ ужъ нѣтъ.

Въ 1882 году Милій Алексѣевичъ пересталъ такъ часто, какъ послѣдніе годы, бывать у насъ... Но и за этотъ годъ у меня есть отъ него записочки, въ которыхъ видна его душа.

Помощникомъ по Пѣвческой Капеллѣ онъ выбралъ себѣ Николая Андреевича Римскаго-Корсакова.

Кромѣ соединявшаго ихъ въ то время единомыслія и уваженія Балакирева къ музыкальному дарованію Р.-Корсакова, приглашеніе

его со стороны Милія Алексѣевича послѣдовало потому, что у него была: „большая-съ семья-съ“, какъ выразался всегда Балакиревъ.

Причина эта,—т. е. „большая семья-съ“—была вообще для него одной изъ самыхъ уважительныхъ, и, ходатайствуя за кого-нибудь, онъ всегда настойчиво выдвигалъ ее впередъ.

Тогда, да и много лѣтъ спустя, я не понимала, почему это такъ, и только послѣ его смерти, изъ разговоровъ съ его близкими, сообразила, скорѣе почувствовала, что въ дѣтствѣ, послѣ смерти матери, умершей, когда ему было 9 лѣтъ (онъ былъ старшій), вѣрно ему съ маленькими сестрами пришлось пережить не мало тяжелаго, и испытанная нужда въ дѣтствѣ оставила неизгладимый на всю жизнь слѣдъ въ его душѣ.

Въ янв. 1882 г., по поводу постановки Снѣгурочки, онъ писалъ мнѣ:

„Нѣкоторымъ пришла благая мысль поднести Николаю Андреевичу на первомъ представленіи его Снѣгурочки большой вѣнокъ отъ учениковъ, ученицъ и почитателей его таланта, что тѣмъ болѣе кстати, что еще никогда ему не было публичныхъ овацій. Сообщаю вамъ объ этомъ, какъ его ученицѣ, которой онъ всегда былъ доволенъ гораздо болѣе, чѣмъ другими, и въ случаѣ, если Вы пожелаете принять участіе въ этомъ хорошемъ дѣлѣ, то поспѣшите переслать мнѣ Вашу лепту, такъ какъ первое представленіе Снѣгурочки предполагается на будущей недѣлѣ.“

Преданный Вамъ М. Балакиревъ“.

Въ 1883 году въ мартѣ я впервые услышала „Тамару“ Балакирева въ концертѣ Безплатной Школы. Исполнялась она подъ его управленіемъ, но сыграть мнѣ ее на фортепіано,—какъ онъ игралъ раньше другія вещи,—онъ уже не захотѣлъ.

Этотъ же 1883 г. снова былъ для меня и для всей нашей семьи годомъ новаго девятаго вала. Въ сентябрѣ скоростижно умеръ мой отецъ.

Послѣ 1-го марта 1881 г. онъ весь отдался тѣмъ заботамъ о Государѣ, которыя взяло тогда на себя общество, сталъ ѣздить въ разныя губерніи, куда долженъ былъ ѣхать Государь и т. д.

Тогда же произошло знакомство его съ И. Д. Путилинымъ и еще съ одной крайне несимпатичной личностью, которую можно назвать: Азефомъ въ юбкѣ.

Личныя дѣла его къ тому времени пошатнулись, здоровье тоже. Въ іюнь 1881 г. у него сдѣлался первый припадокъ грудной жабы. Черезъ два слишкомъ года припадокъ этотъ повторился и унесъ его въ могилу.

Мы (мать и я) были тогда за границей, куда и онъ намѣревался ѣхать. Отъѣздъ его въ Парижъ былъ назначенъ на 15-е сентября, мы уѣхали изъ Петербурга 7-го, а 12-го въ Лейпцигъ (куда поѣхали къ знаменитому тогда ушному и горловому врачу Хагену (Hagen), мы получили телеграмму объ его кончинѣ...

Онъ лежалъ уже въ закрытомъ гробу, когда мы вернулись.

О, эта лѣстница, по которой мы шли и черезъ нѣсколько часовъ послѣ приѣзда снова спускались, слѣдуя за гробомъ... О, эта зала, гдѣ по срединѣ стоялъ темный дубовый гробъ... Какимъ все новымъ и инымъ, чѣмъ всегда, онъ казались...

Въ день нашего возвращенія состоялся выносъ тѣла моего отца въ три часа дня на Балтійскій вокзалъ для погребенія въ Сергіевской пустыни, близъ Стрѣльны. Тамъ раньше были похоронены мой старшій маленькій братъ и сестры.

На слѣдующій день были похороны, но ни на выносѣ, ни на похоронахъ, ни на одной панихидѣ (какъ мнѣ сказалъ мой братъ), Балакирева не было.

Къ девятому дню я написала ему письмо, прося его придти помолиться за моего отца.

Я недоумѣвала, почему онъ не приходитъ? Я помнила, какое важное значеніе онъ придавалъ отданію послѣдняго долга, какъ требовалъ, какъ-то разъ, чтобы я поѣхала отдать этотъ долгъ очень мало мнѣ знакомому человѣку. И вдругъ онъ не пришелъ помолиться за моего отца!

Заупокойная служба на 9-й день была во Владимірской церкви для удобства родныхъ и знакомыхъ, и я, къ радости моей, увидѣла его среди молящихся, а при выходѣ узнала и причину его отсутствія на похоронахъ. Онъ былъ въ Москвѣ и только-что вернулся. Петербургскихъ же газетъ вообще не получалъ.

На двадцатый день заупокойная служба была въ Сергіевской пустыни, и хотя онъ зналъ объ этомъ,—онъ снова не былъ на ней.

— Отчего? Отчего?..—мысленно спрашивала я себя и не находила отвѣта.

Мы кончали уже завтракъ и чай въ квартирѣ архимандрита о. Игнатія, на его знакомомъ мнѣ съ дѣтства балконѣ-комнатѣ, когда сзади въ трапезной (или залѣ, гдѣ былъ и всегда бываетъ накрытъ и поданъ завтракъ въ такихъ случаяхъ), раздались удивленные возгласы, чьи-то шаги... Я встала посмотрѣть, что тамъ происходитъ, и встрѣтилась въ дверяхъ галереи-балкона съ Миліемъ Алексѣвичемъ.

Онъ опоздалъ на поѣздъ и пришелъ въ монастырь пѣшкомъ по шпаламъ!

Служба была кончена, но мы всѣ пошли еще разъ до отъѣзда въ Петербургъ на могилу отца. На ней лежали новые вѣнки съ надписями отъ Николаевской дѣтской больницы, гдѣ отецъ былъ попечителемъ, и еще отъ кого-то... Балакиревъ пошелъ рядомъ со мной. Было 1-е октября, день моего рожденія, и мнѣ было больно и жутко, что 20-й день пришелся именно въ день моего праздника. Мнѣ казалось это дурнымъ предзнаменованіемъ.

Балакиревъ точно догадался о томъ, что происходило у меня на душѣ, и когда мы отходили отъ могилы, тихо сказалъ мнѣ:

— Сегодня день вашего рожденія. Я помню это и считаю, что то, что 20 день пришелся именно на сегодня—это знакъ большой,—протянулъ онъ,—любви къ вамъ Василя Яковлевича. Это его благословеніе вамъ...

Я подняла на него глаза.

— Да-съ, большое благословеніе...—повторилъ Милій Алексѣевичъ, и его слова мгновенно сняли съ меня гнетъ душевный и въ то время совершенно успокоили меня.

Къ сожалѣнію, въ жизни его утѣшительныя слова не оправдались, а сбылось... мое предчувствіе горя.

Изъ Сергіевскаго монастыря мы уѣхали въ ландо, запряженномъ четверкой ямщицкихъ лошадей, а всѣ остальные и Балакиревъ съ ними—на поѣздѣ.

Больше я не помню его на службахъ по моему отцу. Помню только его пристальный взглядъ, устремленный на насъ въ окна экипажа, когда мы отъѣзжали отъ нашей усыпальницы.

Въ октябрѣ слѣдующаго, 1884 г. я вышла замужъ, и все рѣже и рѣже стала видаться съ Миліемъ Алексѣевичемъ.

Разъ, впрочемъ, онъ пришелъ вечеромъ въ концѣ 84-го г. или началъ 85 года и принесъ мнѣ свою 3-ю мазурку, посвященную мнѣ.

Затѣмъ, онъ разъ пришелъ, когда моему первому ребенку было нѣсколько недѣль.

Я страшно обрадовалась ему и просила его благословить мою дѣвочку.

Онъ порывисто всталъ и все тѣми же стремительными шагами, знакомыми мнѣ съ дѣтства, прошелъ за мной туда, въ ту комнату, гдѣ временно, такъ какъ въ дѣтской освѣжали, находилась кормилица съ моею дочерью—baby, и неловко и трогательно перекрестилъ ее.

Въ 1887 г. послѣ долгаго, кажется, полугодового перерыва, я снова увидѣла его. Онъ зашелъ весной поздно вечеромъ, когда

мы укладывались и переѣзжали на дачу, и остался нѣсколько минутъ...

Я спросила его, какъ онъ находитъ мою мать? Я очень беспокоилась за нее.

Онъ взглянулъ на меня и отвѣтилъ:

— Видно, что она въ трудахъ.

Я не поняла, что онъ хочетъ сказать, и переспросила: очень плохой видъ?..

Но онъ уклончиво повторилъ сказанное.

Въ октябрѣ того же года моя мать скончалась.

И онъ тоже не отдалъ ей, какъ онъ называлъ, послѣдняго долга. Не былъ ни на панихидахъ, ни на похоронахъ. Но мнѣ тогда ужъ все было все-равно, и это, т. е. его отсутствіе, не было больно.

Я была уже щепкой, которую несъ океанъ, и сознание, ощущение горечи притупилось во мнѣ...

...Остальное время, въ теченіе 11 лѣтъ,—was silence...

Княгиня М. В. Волконская.

Конецъ 1-й части.

(Продолженіе слѣдуетъ).

